

ОТ АВТОРА

Со всем уважением к истории и философии обращаюсь к читателям с просьбой отнестись к «Тайне Оболенского университета» как к легкой фантасмагории. Сюжет книги — полностью моя выдумка, однако я посмела вплести в него реальных личностей и события, происходившие в истории. Прошу простить неточности в повествовании и возможное искажение фактов в угоду сюжету. Но я искренне надеюсь, что книга придется вам по вкусу.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Валерия Ланская (21 год) — студентка 5-го курса факультета медиевистики.

Арсений Витальевич Романов /ненстоящее имя/ (29 лет) — новый научный руководитель Леры. Преподаватель средневековой философии. На самом деле является другим человеком.

Андрей Николаевич Ланской (43 года) — отец Леры. Преподаватель юриспруденции.

Наталья Алексеевна Ланская, в девичестве Березина (37 лет) — мать Леры, воспитывала дочь одна после развода. Погибла в аварии, когда Лере было 16 лет.

Павел Аркадьевич Радзинский (71 год) — научный руководитель Леры. Преподаватель средневековой философии.

Захар Артемович Нилов (30 лет) — преподаватель латыни, старший брат Юры.

Аристарх Борисович Рылев (54 года) — преподаватель всемирной истории.

Евгения Матвеевна Селезнева (39 лет) — преподаватель эстетики.

Елизавета Васильевна Ремизова (35 лет) — преподаватель риторики.

Александра Дмитриевна Филиппенко (54 года) — преподаватель истории кино.

Римма Николаевна Комарова (53 года) — преподаватель культурологии.

Ян Эдуардович Гуревич (31 год) — преподаватель физической культуры.

Филипп Александрович Дрейфус (83 года) — преподаватель истории. Умер за полтора года до описываемых событий.

Сергей Петрович Вдовин (78 лет) — главный библиотекарь.

Галина Павловна Вдовина (70 лет) — супруга Сергея Петровича Вдовина. Умерла за два года до описываемых событий.

Геннадий Владимирович Мурашов (28 лет) — университетский повар.

Юлия Владимировна Мурашова (26 лет) — супруга университетского повара.

Михаил Романович Шеллар (36 лет) — университетский врач.

Иван Викторович Серов (51 год) — ректор Оболенского университета.

Арина (Рина) Миланова (21 год) — однокурсница Леры и ее лучшая подруга.

Юрий Нилов (22 года) — однокурсник Леры. Влюблен в нее. Младший брат Захара.

Альберт Шульц (21 год) — однокурсник Леры. Потомственный немецкий барон. Его предки учились в Оболенском университете с момента основания учебного заведения. После революции Шульцы уехали, Альберт — первый за несколько десятилетий представитель своей фамилии, учащийся в Оболенке.

Петр Авилов (21 год) — однокурсник Леры, бывший парень Арины.

Елена Королева (22 года) — студентка выпускного курса факультета юриспруденции. Дипломница Андрея Николаевича Ланского.

Иван Костромицкий (22 года) — студент выпускного курса факультета истории. Влюблен в Арину Миланову.

Марина Позднякова (21 год) — однокурсница Леры, одна из самых популярных девушек университета. Главная сплетница.

Анна Фролова (21 год) — студентка выпускного курса факультета юриспруденции. Бывшая подруга Лены Королевой, теперь ее соперница и враг.

Денис Лядов (22 года) — студент выпускного курса факультета истории. Друг Петра Авилова. Отчислен после осеннего бала.

Алексей Фомин (21 год) — студент выпускного курса факультета истории. Друг Петра Авилова. Отчислен после осеннего бала.

Евгений Макеев (32 года) — выпускник курса факультета юриспруденции. Погиб в авиакатастрофе за год до описываемых событий.

Виктор Семенович Шолохов (72 года) — российский ученый, разработал препарат — аналог стволовых клеток. Погиб в Марокко за несколько лет до описываемых событий.

I

ПРОФЕССОР РАДЗИНСКИЙ ВЫХОДИТ В ТИРАЖ

Стук моих каблуков эхом разносился по пустым коридорам здания, отстроенного два с половиной века назад, еще при императрице Екатерине Великой. Каменные стены с остатками красочных росписей, резные массивные двери аудиторий, где некогда преподавали лучшие профессора не только России, но и всего мира, тяжелые ковры, представляющие собой определенную ценность. Моя альма-матер, мой родной университет.

Университет наук и искусств имени Петра Семеновича Оболенского*. Покинув это место более пяти лет назад, я снова здесь.

Вот главный холл и мозаичная надпись *Καλοκαγαθία* — калокагатия, что в переводе с древнегреческого означает «прекрасный и добрый». В античной культуре под калокагатией подразумевалась гармония телесного и духовного в целостной человеческой личности.

Гражданин древнегреческого полиса, стремящийся к тогдашнему идеалу, был знаком с этим понятием

* Петр Семенович Оболенский — вымышленный персонаж, но он относится к реальному княжескому роду. (Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.)

не понаслышке. В нашем же университете принцип калокагатии всегда являлся центральным: выпускники должны быть максимально эрудированными, нравственными и физически развитыми.

Более двух веков в стенах заведения обучались лучшие умы страны — политики, военные, деятели культуры и искусства, ученые и философы. Университет Оболенского никогда не терпел посредственности. Каждый студент был обязан полностью и без остатка отдаваться занятиям, будь то познание наук или физическая подготовка, а наградой за труды являлись широкие возможности для выпускников.

Я шла по длинному коридору, схожему с художественной галереей: на стенах висели картины, некогда подаренные выпускниками Оболенки, прославившимися в живописи. Сейчас они стоят целое состояние, вот только их судьба — быть навсегда погребенными в стенах университета.

Замедлив шаг у огромных дубовых дверей в библиотеку, я не решилась их открыть. Видимо, чувствуя мои сомнения, они поддались не сразу, со скрипом явив мне лишь щель к ныне пустующему свята святых университета. Многотысячное собрание книг сейчас перенесено в новое здание, которое выделили, пока исторические помещения находятся на реставрации. С легкой улыбкой я вспомнила, сколько времени проводила здесь, готовясь к семинарам и коллоквиумам. Я всегда была прилежной студенткой, много занималась и ставила учебу на первое место, но потом появился один дурной преподаватель... А вот и большой стол, за которым некогда восседал не сменяемый десятилетиями главный библиотекарь Сергей Петрович.

Я выскользнула в коридор и, оставив попытки закрыть тяжелые двери, пошла дальше. Здание уже несколько лет обесточено, поэтому приходилось пробираться темными проходами, освещая путь фонарем.

Хотя здесь я бы не заблудилась даже в крошечной тьме. Каждый закоулок навсегда врезался в память.

Неожиданно я оказалась у философской кафедры, такой до боли родной... И ноги сами отвели в аудиторию, где нам читали лекции по философии Средневековья. Еще со старшей школы это время очаровывало меня своей загадочностью и мистицизмом. Темные века дали человечеству колоссальный толчок для дальнейшего развития.

В аудитории — все как прежде. Огромные витражные окна, что не уберегали от зимних морозов, скамьи, стулья и парты, доска с разбросанными кусочками мела, цветочные горшки, в которых некогда распускались комнатные растения, бережно переданные смотрителем оранжереи. Четыре года подряд я слушала тут увлекательные лекции профессора Радзинского: он великодушно согласился стать моим научным руководителем и помогать в работе над дипломом. Я всегда до глубины души уважала этого удивительного человека. Работать с ним было легко и приятно, чего не скажешь о преемнике... В последний год обучения в Оболенке аудиторию занимал Арсений Романов, кардинально изменивший мою жизнь.

Тот самый дурной преподаватель.

Я подошла к столу и провела рукой по столешнице, чувствуя легкое покалывание, собрала слой пыли. Как давно тут никто не сидел. Мне захотелось задержаться в аудитории хотя бы на пару минут, вспомнить лекции, семинары и наши вечные пререкания с моим любимым преподавателем, но решила не тратить лишнее время.

Я покинула здание учебного корпуса и не торопясь пошла по университетскому городку. Со стороны можно подумать, что я просто гуляю, но для меня это было прощанием. Жилые корпуса, домики преподавателей, столовая, оранжерея, спортивный зал и бассейн — Оболенский университет обладал развитой

инфраструктурой. Он располагался между Москвой и Санкт-Петербургом, в трехстах километрах от обеих столиц.

За два с лишним века окрестности не были заселены, а ближайший поселок находится в сорока километрах.

Справа от дороги был корпус, на втором этаже которого располагалась моя комната. Студентам Оболенки отводилось отдельное здание, где у каждого имелась спальня с отдельным санузлом. Питались мы строго по расписанию в столовой, построенной между учебным и жилыми корпусами.

Обслуживающий персонал, как и студентов, всегда селили в отдельное трехэтажное здание, а вот преподавательский состав получал в свое распоряжение квартиры и даже небольшие дома.

Пройдя по широкой ивовой аллее, некогда ухоженной садовниками, а сейчас заросшей, я очутилась у фонтана, где однажды развлекался Юра. Он бросил туда бутылку средства для мытья посуды. Сколько было пены, а какой разразился скандал! Виновного бы исключили, если бы не ходатайство старшего брата Захара, который преподавал латынь.

За фонтаном начиналась главная аллея, которая вела к громадным кованым воротам. Над ними все еще красовалась надпись с названием университета и годом основания учебного заведения — 1779-м. Да, это место видело многое...

Университет являлся архитектурным памятником. Построенный в стиле неоготики, он на протяжении долгого времени достраивался и расширялся, вбирая в себя лучшее от различных эпох.

Сегодня Девятое мая. День Победы в Великой Отечественной войне. Как обычно, в двадцать два часа во всех городах России начнется салют в честь праздника. В это же время раздастся и череда взрывов, которые сотрут с лица земли наш университет...

Университет наук и искусств имени Петра Оболенского.

Шум салюта заглушит жуткие звуки, поэтому, когда жители близлежащего поселка увидят зарево над горизонтом, будет слишком поздно, чтобы что-то спасти. Пожарные, которые прибудут сюда, сделают вывод, что произошла утечка газа, послужившая причиной пожара. Никаких подозрительных следов найдено не будет. Сейчас у меня есть двадцать минут, чтобы отъехать на нужное расстояние.

Я села в машину, завела двигатель и тронулась с места. В зеркало заднего вида я в последний раз взглянула на родной университет. Прощай, альма-матер!

Ком в горле, слезы на глазах и вихрь воспоминаний. Не думала, что после всего случившегося мне будет так тяжело навсегда расставаться с этим местом.

Дорога свернула, и университет скрылся за густым лесом.

А началось все ранней осенью, еще несколько лет назад, когда я, будучи студенткой выпускного курса факультета медиевистики*, шла на встречу со своим научным руководителем. Мы с профессором Павлом Аркадьевичем Радзинским договорились обсудить вопросы новизны и уникальности моей научной работы.

— Лерочка, ты раньше обычного! — воскликнул профессор, эмоционально всплеснув руками, как всегда любил делать при виде меня. — Очень рад! Приди ты вовремя, меня бы не застала.

— Вы куда-то уезжаете? — удивилась я. Еще утром мы договаривались о встрече, а сейчас научрук держал в руках дорожный набор.

* *Медиевистика* — научная дисциплина, посвященная истории средневековой Европы.

— Да, Лерочка, возникли неотложные дела. Но ничего, вернусь, и продолжим работу, а если что, то ты справишься и без меня, — добродушно сказал мужчина, в то время как его глаза взволнованно забегали по комнате.

— Что значит «без вас»? — проследив за неуловимым профессорским взглядом, я заметила чемодан, набитый вещами.

— Я хотел сказать, если вдруг задержусь дольше, — ответил профессор и глубоко вздохнул.

— Тогда не буду мешать со сборами.

Было обидно, что меня бросают без предупреждения в самый разгар работы.

Я уже направилась к выходу, но Радзинский удержал меня за руку.

— Лера, нам нужно поговорить, — начал он и слегка замялся, словно речь велась о чем-то крайне деликатном. — Ты девушка умная, одна из лучших студенток, за тобой большое будущее. Помни, что в жизни нужно делать выбор сердцем и не идти против совести.

— Павел Аркадьевич, я не понимаю, о чем вы?! — нахмурилась я.

— Просто напутствия старика, — отмахнулся научрук и шагнул к чемодану, достал из бокового отделения конверт и протянул мне. — Лера, возьми. Я хотел занести это в твою комнату, но раз ты здесь...

— Что там? — удивилась я, получив конверт.

— Открой, когда будет нужно, — ответил профессор.

— Но как я пойму, когда нужно? — недоумевала я.

— Поймешь... Если сочтешь, что тебе что-то недоговаривают, — грустно улыбнулся Павел Аркадьевич, взял чемодан и, кивнув мне, посмотрел в окно: на улице уже дожидалось такси.

Конверт я убрала в сумку и благополучно о нем забыла. После такой выходки научрука не было никакого

настроения заниматься дипломом, поэтому я направилась к озеру, где обычно собирались однокурсники. Из года в год ничего не менялось. Мы любили посиживать в беседке у воды и со смехом обсуждали всякие студенческие глупости.

Как правило, заводилой был Юрка Нилов.

— Лер, ты к нам? — воскликнула Арина Миланова, моя самая близкая университетская подруга. — Ты же вроде собиралась заниматься.

— Да, но Павел Аркадьевич куда-то уехал, — пожалала плечами я и села рядом с Ариной.

Мы дружили с первого курса. Она из Екатеринбурга, я же родилась в Москве. До шестнадцати лет меня растила мама, пока несчастный случай ее не отобрал. Отца я видела лишь по праздникам.

Он бросил семью, когда мне было три, но после маминой смерти забрал меня к себе... в Оболенку. Папа преподавал юриспруденцию и пожелал, чтобы я пошла по его стопам. Правда, я тяготела к истории Средних веков, нежели к праву. В итоге отец не стал препятствовать моему выбору медиевистики. Единственным его условием было послушание и прилежная учеба, что для меня оказалось несложно.

Учеба давалась легко, да и проводить свободное время за книгами я всегда любила.

Сейчас я была отцовской гордостью, одной из лучших студенток курса.

В Оболенке запрещены шумные вечеринки, алкоголь и уж конечно прочие вредные вещества. Студенты находили развлечения в шахматах, карточных играх, интеллектуальных сражениях и прочих занятиях до скрежета зубов прилежной молодежи. Каждый был до приторности правильным, появившись в наших рядах кто-то иной, это стало бы началом конца.

Вдоволь наболтавшись с подругой, я решила еще раз пробежаться по теме завтрашнего семинара, поэтому

принялась прощаться с ребятами. Арина безрезультатно старалась меня удержать, кинула в спину: «Гребаная заучка», — но оставила свои попытки.

Я уже подходила к корпусу, когда сзади раздали торопливые шаги. Стоило обернуться, как я столкнулась лицом к лицу с улыбающимся Юркой.

— Лер, что делаешь завтра вечером? — неожиданно спросил парень.

— Мм... не знаю пока, скорее всего, буду сидеть над дипломом.

— Может, прогуляемся? — нерешительно предложил он.

— Это свидание? — в лоб спросила я. Разумеется, подобные предложения звучали нечасто, но я не привыкла пасовать и предпочитала сразу расставить точки над «и».

Но и Юрка не растерялся.

Его губы растянулись в довольной улыбке, и парень кивнул.

— Если скажу «да»?

— Я подумаю, — улыбнулась я в ответ и поспешила ретироваться, дабы избежать неловкости.

— До завтра! — крикнул мне вслед парень, уверенный, что я ему не откажу.

Юра был мне приятен, но романтических чувств я не испытывала, хотя и хотелось пойти на свидание. Как и любая девушка, я нуждалась в том, чтобы за мной ухаживали, водили в кино, дарили цветы. Ничего такого у меня не было. Я не уродина, но имелся серьезный «изъян» — отец. Папу панически боялись все студенты.

Андрей Николаевич Ланской, доктор юриспруденции и по совместительству мой отец, весьма критически относился к каждому парню, который осмеливался приблизиться к его «сокровищу», то есть ко мне. Именно поэтому в двадцать один год я практически не обладала никаким опытом общения с противоположным полом.